PG3476
.S32
V 24
1927

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

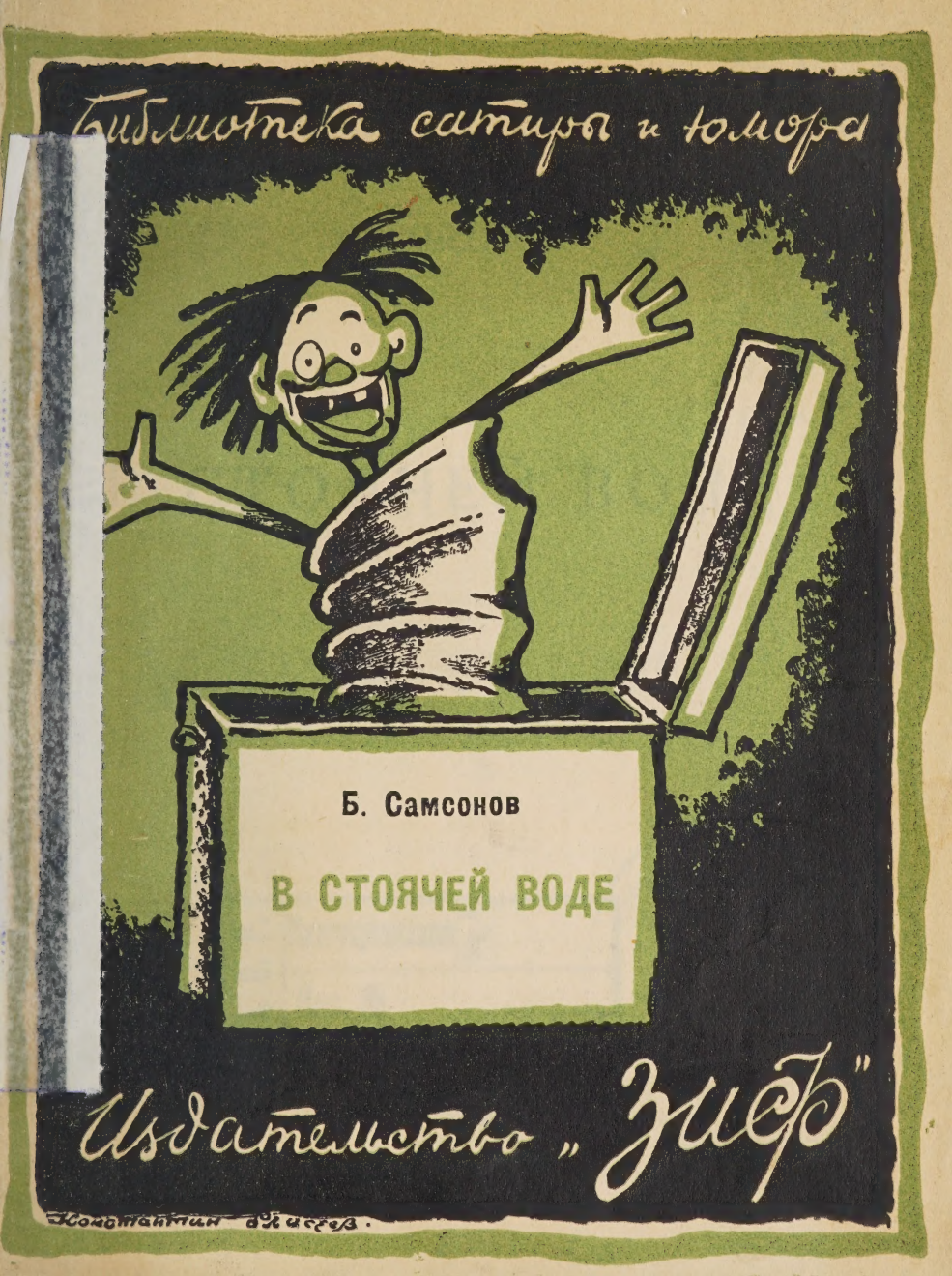
ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3476
.S32
V24
1927

00005100222

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/vstoiachevode00sams


Библиотека сатиры и юмора
Б. Самсонов
В СТОЯЧЕЙ ВОДЕ
Издательство „Зифр"
Константин Дугеев.

ab
46753

2 974

БИБЛИОТЕКА САТИРЫ И ЮМОРА

Б. САМСОНОВ

ee c PG3476 .S32 V24 1927

В СТОЯЧЕЙ ВОДЕ

V STOIACHEI VODE

А. О. Р. Книгохранилище Инв. №

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA AT CHAPEL HILL

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА"
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Гостипография
в аренде
М. ВОЛКОВИЧА
Ленинград, Ул. 3 Июля, 60
Колич. 25000 экз. — 2 л.
Главлит № 86935

1927

Перед нашей революцией стоит задача выковки нового человека. Пролетариату равно чужды и тот тип низкопоклонничающих, исподличавшихся дельцов, которые так часто вызывали против себя гнев русской сатиры, и герои дворянского романа — Онегины, Печорины, Рудины, умеющие лишь становиться в картинные позы, но неспособные к борьбе и упорству. Нужен новый человек, который ярко сознавал бы связи свои с братьями по классу, созданные революцией. Человек, который не изгибался бы в поклонах перед начальством, но и вместе с тем не напускал бы на себя „мировой скорби" и не считал бы себя „сверхчеловеком". Нужен боец, строитель, с крепкой, как пружина, волей, поставленной на службу делу революции.

Не легко выковать нового человека.

Из всех щелей еще торчат хвосты укрывшихся от революционных бурь пресмыкающихся в человеческом облике. В стоячей воде мещанско чиновничьего мирка зачастую сохранились все старинные чинопочитания, подвохи, сплетни, и война с этими осколками прошлого очень трудна.

Сила фельетонов Б. Самсонова состоит в том, что, пригвоздив к позорному столбу „конкретных носителей зла", он не только наносит удары по чудовищу бюрократизма. Раскрывая перед читателем, во всей его наготе, человека прошлого, человека, который еще находит временное убежище в закоулках канцелярий, в лабиринте „трестов" и „торгов", фельетонист

тем самым ратует за новую, волевую, проникнутую социалистическими стремлениями личность.

Как отвратительны эти дряблые, трусливые и вместе с тем надевающие на себя броню неприступного бюрократизма, чинуши!

Как много они пакостят на ступенях той величавой лестницы, по которой мы поднимаемся к социализму!

Может ли революция мириться с таким „человеком", какой выступает своей отвратительной физиономией из оправы фельетонов Б. Самсонова?

Конечно, нет.

Революции нужны новые люди, и она их выкует, а читатели почувствуют стремление уничтожить в себе малейшее сходство с персонажами фельетонов Б. Самсонова.

ЖИЗНЬ СОВЕРШЕНСТВУЕТСЯ

Наука и техника вполне справедливо утверждают, что человек существует для борьбы за лучшее, светлое будущее. Вместе с тем, они же нам указывают, что и самые формы этой борьбы с годами становятся все культурнее и благороднее. Лично я, желая сделать вклад в науку и технику именно по этому пункту, приведу сравнение между людьми каменного века и сотрудниками конторы, в которой я работаю.

О людях каменного века мне придется сказать всего пару слов. В те далекие от нас времена соревнования в личном составе совершенно неуплотненного населения происходили в формах несовершенных, однообразных и неизящных. Встретятся люди где-нибудь около добычливого места и, ни слова не говоря, сейчас же начнут хряскать друг друга дубинами по черепу, пока противник не подошьется к земле. Иного, чего-нибудь более культурного, люди еще тогда не знали. Вот, собственно, и все, что можно сказать о несознательных людях каменного века.

Сотрудники нашей конторы — совсем иное дело. Они в своем культурном развитии, как и остальное человечество, ушли чрезвычайно далеко. Формы борьбы и соревнования за идеалы светлого будущего здесь мы видим иные. Они не только облагородились и утончились, но и блещут пышным

многообразием. Для того, чтобы показать хотя бы некоторую часть этих форм, я вынужден описать, как приблизительно проходит мой служебный день в конторе. Прихожу я в контору рано, почти за полчаса до начала занятий. Делаю я это для того, чтобы немного поторжествовать над сослуживцами. Сослуживцы, приходя на работу после меня, чувствуют себя как бы виноватыми и часто расстраиваются на весь день, отчего у них в работе могут получиться неувязка и промахи. Сегодня — неувязка, завтра — промах, смотришь, и освободилась нужная мне вакансия. Способ, как видите, несложен, но чрезвычайно тонок и культурен.

Вскоре приходит замзав конторой, Иван Семенович. Он тоже приходит рано, опаздывая не более как на пять минут, и то только для того, чтобы не ронять авторитета. Просматривая газету, он в то же время внимательно следит за всеми опоздавшими. Вбежит какой-нибудь любитель опозданий, уткнется в свой стол и начнет лихорадочно рыться в бумагах, желая, якобы, наверстать потерянное время, а Иван Семенович, не торопясь, достанет свои золотые часы, посмотрит на них, взглянет на конторские, вздохнет и скорбно скажет:

— Да, товарищи, разваливается у нас дело, разваливается. Не знаю, как мы будем дальше работать при таких условиях, не знаю...

Опоздавший склоняет голову еще ниже и начинает рыться в бумагах уже с остервенением.

Часам к двенадцати приезжает сам Петр Петрович и, просмотрев газеты, читает и подписывает бумаги.

— Удивительно, — говорит он, жестко разделяя слово по слогам. — Сколько времени люди работают и не могут осмыслить разницы между отношением и предложением. И затем, сколько раз я говорил, что надо адресовать не в Управление, а Управлению. Неужели никто не чувствует, что это не одно и то же? Переписать! Иван Семенович, поставьте на вид, чтобы это было в последний раз, и, если нужно, примите меры!

Насладившись всеобщим трепетом, Петр Петрович и Иван Семенович уходят на заседание. Обезглавленные сотрудники,

не теряя времени, немедленно начинают пополнять характеристики ушедшего начальства:

— Про недомыслие чья бы коровка мычала, а Петра Петровича молчала!

— И как только таких назначают?

— Известно — протекция!

— Небось, там перед директором лебезит!

Но весь этот взрыв моментально умолкает; опомнившись, каждый думает про других: „Донесут эти скоты, обязательно донесут!“ После этого начинаются отдельные атачки:

— Покорнейше благодарю вас, Константин Александрович, ну, и удружили!

— Не понимаю. Что такое?

— Отлично понимаете! Половину всех нулей в ведомости изобразили на манер шестерки. Не то нуль, не то шесть. Вчера дома всю ночь просидел, никак не мог подсчитать.

— Это я нечаянно, а вы зачем возвращаете ее мне по два раза для переписки?

— Товарищи, послушайте, как Елена Андреевна составила ответ Главному Управлению: „В ответ на ваше отношение“...

Общий взрыв хохота.

— Неужели „в ответ на отношение“?

— Представьте себе, Главному Управлению—и „в ответ на отношение“...

Дальнейшему повержению во прах Елены Андреевны кладет конец возвращение начальства с заседания. На заседании шла речь только о календарном плане следующих заседаний, но Петр Петрович и Иван Семенович, входя в помещение конторы, не теряют возможности, дисциплины ради, подвинтить гайку:

— Да. Теперь некоторым придется немножко того... Надо будет подтянуть.

— Не без этого, Петр Петрович. Для пользы службы придется пойти на жертвы.

— Я уже это имею в виду.

Через некоторое время Петру Петровичу попадает в руки злосчастная бумажка, составленная Еленой Андреевной. Петр Петрович откидывается на спинку кресла и, чуть не плача, спрашивает Ивана Семеновича:

— Это что же такое? Издевательство надо мной, что ли? Кто написал эту ерунду?

— Елена Андреевна! Елена Андреевна! — называют виновницу сразу несколько голосов.

Петр Петрович, завидя беззащитную жертву, ярится еще больше.

— Так это вы писали? Прекрасно! Вы изволили полагать, что Главное Управление может сноситься с нижестоящими учреждениями не путем предложений, а посредством отношений. Вы определенно хотите унизить высший орган власти! Вы, может быть, вообще против высших органов власти? Да? Против!! Да?!!

К счастью для Елены Андреевны, на столе у зава раздается телефонный звонок.

Петр Петрович срывает трубку и рявкает по телефону:

— У телефона! Что еще надо?

Но мгновенно преображается. На лицо наплывает улыбка и голос как бы смазывается душистым борным вазелином.

— Да-с, это я...

Затем улыбка сменяется испугом.

— Да, но ведь я...

Пауза. Испуг сменяется растерянностью и унынием.

Судя по всему, Петра Петровича взяло за жабры особо крупное начальство, и бедняжка не имеет даже возможности вставить хотя бы одно слово в свое оправдание. Только разинул рот, а начальство кроет еще гуще. Там уже замолчали, а Петр Петрович все еще держит в руках трубку.

К сожалению, наше общее наслаждение этой сценкой длится недолго. Петр Петрович приходит в себя и спешит тяжесть заушения переложить на иные, подведомственные ему, плечи.

— Довольно! Больше я не намерен терпеть! Нечего сказать, набрали сотрудников! Одни неприятности. Дайте-ка мне список личного состава и карточки-характеристики!

Иван Семенович, как бы предчувствуя такой результат телефонного разговора, уже достал из бокового ящика список и карточки.

— Конечно, Петр Петрович, давно пора почистить, я прямо удивляюсь вашему долготерпению.

Петр Петрович шумно перелистывает списки, резко ставит огромные кресты и палочки. Иван Семенович молча указывает что-то мизинцем в списке. Кого-то вычеркивают.

Температура у всех сотрудников конторы резко понижается, конечности холодеют, как перед смертью. Мне уже кажется, что пришло время ставить на своей жизни штемпель: „Окончено. В архив на вечное хранение". Мысль о смерти наталкивает на блестящую идею о неизбежности среди сослуживцев подписки мне на венок. Хочешь — не хочешь, а монету гони. Вот будут лаяться-то! Впрочем, зачем же накладывать на себя руки, зачем такие большие накладные расходы в этом предприятии! Можно, и не умирая, устроить какую-нибудь истязательную подписку, следует только изобразить особо крепкий сюжет. И вот в конце дня, когда все более или менее устали и успокоились, злосчастные списки и карточки опять уже покоятся в ящике стола до следующей надобности, я изготовляю подписной лист на особо неотразимый сюжет, проставляю, не щадя затрат, крупную сумму и даю подписывать своим сослуживцам в восходящем порядке. Этот порядок считаю наиболее жгучим, так как никто не может подписаться на сумму, меньшую или даже равную той, на которую подписался человек нижестоящий.

Таким всеобщим эффектным ударом заканчивается иногда мой служебный день, и мы все расходимся по домам, чтобы наутро начать беспрерывную борьбу снова, внося в нее, по возможности, новые приемы, изобретая мало-по-малу новые, более совершенные, более культурные формы. А если к описанию этих схваток за лучшее будущее добавить бы еще

изложение той беспредельно разнообразной борьбы, которую служащие нашей конторы, а вместе с ними и все человечество, ведут неустанно на улице, в трамвае, дома на жилплощади, на собрании, в кооперативе, в бане, то все преимущество современного развития и культурных форм человеческого соревнования перед жалкой несознательной жизнью людей каменного века станет особенно ясно и неоспоримо.

ПРЕМИРОВАННАЯ СЕМЬЯ

После удачно проведенного конкурса на теплый скотный хлев меня пригласили в качестве обследователя на конкурс семьи. Здесь мне подвезло: семья, получившая первую премию (гигиеническое кресло-клозет с музыкой, играющей „Кирпичики"), была обследована именно мною. Вот почему в дополнение к официальным данным я имею возможность рассказать еще о своих личных впечатлениях и разговорах, которые я вел при обследовании. Думаю, что эти дополнения имеют такое же историческое значение, как и сам официальный конкурсный акт.

Премированная на конкурсе семья состоит из пяти душ. Муж — Иван Иванович (служащий); жена — Марь Иванна (домашняя хозяйка); дочь — Маша (ученица I ступени); сын — Ваня (дошкольник при родителях), и кошка Маруська (нетрудовой элемент). Природа, создавая всех их, явно поскупилась на краски и фантазию, так что описывать их наружность довольно затруднительно. То же самое можно сказать про их квартиру и обстановку. Одна комната полусветлая, другая — полутемная, для детей; дряхлый диван, кислые кровати, клопы, примус, календарь и часы, словом, вся обстановка — самая обыкновенная и ничем не выдающаяся. О ней и рассказывать не стоит. Гораздо интереснее взаимоотношения членов семьи, семейный, так сказать, уклад.

В семейных взаимоотношениях прежде всего бросилось мне в глаза их прочность и незыблемость. Обязанности членов

семьи и иерархическая подчиненность установлены как в хорошем регламенте. Если распределение обязанностей в семье обозначить с научно-марксистской точки зрения, то получится такая картина: Иван Иванович преимущественно занят добывающей промышленностью, Марь Иванна — обрабатывающей, дети — потребляющей, а кошка Маруська, как элемент деклассированный, имеет склонность к отхожим промыслам. Иерархические же отношения в семье можно было бы смело назвать государственными, имея в виду государство с неограниченной монархией: Иван Иванович угнетает всех, Марь Иванна угнетает детей, Маша угнетает Ванятку, Ванятка — кошку, а кошка — только подведомственных ей мышей. Весь этот распорядок считается ниспосланным свыше и ни у кого в семье никаких возражений не встречает. Когда я в разговоре с Иван Ивановичем коснулся современных споров о семье, он на это снисходительно сказал:

— Ерунда! Чего тут спорить? Все ясно, как морковь. Семья — она и есть семья. Деды наши не глупей нас были, однако, жили без вопросов. Конечно, если со службы сгоняют — вопрос возникает. Но раз человек при должности, — никакого вопроса нет и не может быть.

Таков же, повидимому, был взгляд на семейную проблему и у остальных членов семьи. Вопрос о любви, как о необходимом элементе брака, здесь не составлял тоже никаких затруднений.

— Без любви брака и семьи не должно быть, — уверенно заявил мне Иван Иванович. — Я сам женился по любви. Родители Марь Иванны вполне этому способствовали: после венчания выдали все приданое безусловно, как было сказано в росписи, за исключением одной перовой подушки, которую хотели было зажилить, но и ту выдали, когда я предъявил им ультиматум. Женился, как видите, тихо, полюбовно.

Потом, наедине, я спросил Иван Иваныча, продолжает ли он любить свою супругу и теперь?

— А то кого ж еще любить? — удивился он. — Кроме собственной жены, никого больше любить не советую. Другой раз,

знаете ли, сослуживцы затащат после получки к девочкам, так, верите ли, удовольствие одно и то же, а денежки плати. Какой же смысл?

Относительно Марь Иванны справки по этому деликатному пункту пришлось собирать окольным путем, у соседей. На вопрос о том, изменяла ли Марь Иванна мужу, ответ был единодушный:

— Не такой человек Марь Иванна, чтобы мужу изменять. Она будет верна по гроб. Если к ней и бегает Колька, есть тут один парнишка-нахлебник, так она его сиротство успокаивает, не столько из баловства, сколько из жалости. Уйдет Иван Иванович в должность, — Колька прибежит, сделает себе ублаготворение и назад. Ну, правда, иногда она покормит, истратит мужний харч, вот и вся измена, пустяк...

Воспитанием своих детей Иван Иванович даже гордится:

— Насчет чего другого, а на этот счет будьте покойны, — воспитываем деток не хуже других, не жалеем сил. Чуть что малейшее — не понимает Машутка задачки, или Ванятка что-нибудь там неподходящее слопает и животом замается, — непременно стегаем. Заботимся, как же...

Все это семейное самодовольство и благополучие могло, конечно, неблагоприятно отразиться на интересе к общественности и на умственных запросах. Но, оказывается, и тут, по словам Ивана Иваныча, ничто не могло внушить опасений.

— Общественности мы не забываем и очень даже интересуемся. Мы небогаты, но гостей по праздникам принимаем, и сами ходим, и про все общество квартала на три знаем, кто как живет. Кто в кого примусом горящим бросил, кто от кого в положении — всем интересуемся. А что касается умственных запросов и политики, то тем более, по нынешним временам, не оставляем без внимания. Выписываю „Известия“ и читаю на сон грядущий. Без газеты спать не лягу. Лежу это и вслух читаю жилищные постановления. Бывают также интересные статейки — кто-нибудь изнасильничает, или под трамвай попадет, но, к сожалению, не в каждом номере. А Марь Иванна у меня в эти часы обыкновенно занимается физкультурой: подойдет в одной

рубашке к лампочке и ловит блох на свет, как на экране. Замечательно ловит! Поймает мокрыми пальцами, покрутит до бесчувствия и к ногтю—шпок! Я так думаю, что если будут всесоюзные состязания, она у меня первый приз взять может...

Последний пункт опроса был насчет наиболее памятных семейных событий. По этому пункту мне ответила Марь Иванна:

— Был у нас памятный случай, был. В октябре семнадцатого года был. Прятала я, милые мои, банку малинового варенья да впопыхах и грохнула ее, голубушку, об железную печку. Верите ли, чуть сердце не выскочило — пять фунтов кошке под хвост. Все говорили, что есть нельзя — стеклы, видите ли, в слепую кишку попадут. Однако, сапожниковы ребята жрали, и что у них там в кишке получилось никому не известно, живут, подлецы, до сей поры. Выходит — зря в такой-то год пять фунтов выбросили. Умру, батюшка, а буду помнить этот случай...

На этом обследование мое закончилось, и я, кажется, рассказал все. Да! Еще один штришок остался, довольно характерный. Когда я прощался, то спросил обоих супругов, довольны ли они, вообще, своей семейной жизнью и какого счастья они себе желают в дальнейшем; на это Иван Иваныч ответил за всех, что семейной жизнью вообще, мол, довольны, а что касается счастья, то таковое желательно иметь при игре в шестьдесят шесть и при тираже займов.

Таковы мои, в общих чертах, впечатления от этой семьи, получившей первую премию на конкурсе. Семья, как видите, достойная первой премии. После конкурса многие недогадливые меня спрашивали, за что, именно, она была премирована: за то ли, что ее сочли наилучшей, или наоборот — наихудшей? Могу еще раз объяснить. Ни то, ни другое. Она премирована как образец семьи, имеющей исключительное, можно сказать, стандартное повсеместное распространение.

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Преданность начальству — неотъемлемое служебное и вообще гражданское качество каждого благонамеренного человека. Но одного наличия преданности мало. Надо еще уменье правильно ее выражать. Выражать так, чтобы это изъявление соответствовало видам начальства и, следовательно, пошло бы отечеству на пользу, а родителям на утешение. Примером того, сколь могут быть пагубны и обоюдоострыи последствия неправильного изъявления похвального чувства преданности и готовности, служит следующая небольшая, но весьма поучительная история.

У начальника Главного Управления Диаграммного Хозяйства, т. Ражева, был одно время личным секретарем некий чрезвычайно преданный, но бесталанный юноша, по фамилии т. Макабров. Этот самый Макабров для изъявления своей преданности избрал такой способ: при всяком удобном, а больше неудобном случае он ахал и сокрушенно доводил до сведения т. Ражева:

— Сергей Сергеевич! Вы что-то выглядите плохо...

— Что такое?

— Изволили осунуться, под глазами мешки...

У Сергея Сергеевича екало сердце, и он сейчас же шел в приемную — взглянуть на себя в зеркало.

— Действительно, как-будто осунулся, и мешки вроде как под глазами. Переутомился. Надо полегче.

А Макабров с каждым днем старался все больше и больше. То найдет у Сергея Сергеевича нехороший цвет лица, то гусиные лапки около глаз, то еще что. Каждый день портил т. Ражеву настроение. А вместе с этим приносил вред и отечеству, так как расстроенный начальник не мог, конечно, приносить отечеству пользы. Т. Ражев стал уклоняться от заседаний и от всякой другой, не менее плодотворной деятельности. От безделья он стал толстеть и разлагаться. И неизвестно, до чего бы довел своего начальника безумец-секретарь, если бы Главное Управление не посетил вскоре т. Лодырян, друг и начальник Сергея Сергеевича.

— Сергей. Да ты с ума сошел. Посмотри, пожалуйста, поперек себя толще! Ай-яй яй! Что с тобой, милый?

— Нездоров, брат. С каждым днем все хуже и хуже, то мешки, то еще чорт знает что...

— Да кто тебе сказал? Какие мешки? Много кушаешь, вот и все...

— Нет, брат! Каждый день Макабров мне докладывает, что мне хуже и хуже...

— Плюнь ты ему, пожалуйста, в морду! Он тебя в могилу загонит! Не даром у него фамилия кладбищенская. Сократи — я тебе дам хорошего. У меня есть. Сонечка просила. У себя я не устраиваю принципиально. А ты возьми, — сам будешь доволен, и Сонечка тебе спасибо скажет...

Судьба злосчастного Макаброва была решена в тот же день. „Снять за невыдержанность", — гласила директива по личному составу. И на его место был определен т. Благовещенский, которому т. Лодырян дал соответствующую инструкцию.

Благовещенский, в отличие от Макаброва, при всяком удобном и неудобном случае изъявлял свою преданность не заботой о здоровьи начальника, а восхищением:

— Какой у вас, Сергей Сергеевич, цветущий вид! Позавидуешь, ей-богу!

— Да? Ничего?

— Кровь с молоком-с! Лет семьдесят физкультурой надо заниматься, чтобы такой вид получить-с, и то не получишь!

От таких комплиментов т. Ражев чувствовал себя весело и бодро, а Благовещенский подбадривал изо дня в день все больше и больше. От подбадривания Сергей Сергеевич быстро потерял чувство меры в работе и стал заседать чуть не круглые сутки, производя неистовые реформы по части рационализации своего беззащитного учреждения. В учреждении дым стоял коромыслом, и стоны рационализируемых служащих не умолкали ни на одну секунду. Т. Ражев всех замучил и сам вскоре замучился, слег даже в постель, но и в постели, подбадриваемый ежедневными радостными восклицаниями Благовещенского о прекрасном цвете лица и о юношеском блеске глаз, не бросал

работу, а продолжал увязывать и углублять ее, устраивая заседания на дому. Неустанно изъявляя свою преданность, Благовещенский эдаким манером в короткий срок довел своего патрона до смертного одра. И только перед смертью Сергей Сергеевич понял, наконец, каким злым гением оказался для него Благовещенский:

— Если бы не этот идиот, я бы еще пожил! Жаль, что я прогнал тогда Макаброва. Тот тоже дурак, но менее вредный...

Но, к сожалению, было уже поздно...

Так погиб т. Ражев. И погиб исключительно оттого, что его личные секретари не умели правильно выражать обуревающие их чувства преданности и готовности.

Личным секретарям, а также служащим и прочим благонамеренным гражданам эта небольшая, но поучительная история пусть послужит к сведению и руководству.

ТЯЖЕЛЫЙ СОН

Заведующий столом „учета опыта местного учета" ушел доставать жене бумазею, а его заместитель, товарищ Пяткин, оставшись один в фанерном загончике „стола учета", не желая терять даром служебного времени, сидел и придумывал обличительный фельетон для стенгазеты.

Придумать обличительный фельетон было не легко. Чего ни коснешься — могли получиться неприятности и сокращение как фельетона, так и автора. От таких жизненных неудобств Пяткину стало скучно.

„И на кой пес я пишу фельетоны? — думал он. — Лучше бы я писал оды. Вот, например, написать бы оду на взятие... уроков политграмоты, или „Гром победы раздавайся"! Одно удовольствие и никаких неприятностей. Впрочем, чем мое обличение отличается от хвалебных од. Обличишь какую-нибудь мошкару, а в конце все равно покажешь, что недреманное начальственное око указанный недостаток заприметило и

виновника покарало по всей строгости закона. Дернуть бы как следует! Вот старик Салтыков-Щедрин хлобыстал прямо по мордасам самих губернаторов"...

Дальше Пяткин стал дремотно мечтать о вещах, явно недозволенных в печати, почему они и остаются не зафиксированными. Но мечтания, как известно, вещь бессмысленная, и действительно, если бы в этот момент какой-нибудь гублит приоткрыл черепную коробку Пяткина, то он обнаружил бы пяткинские мысли в необыкновенном коловращении — точно сметану в сепараторе, — как это бывает с человеком, которого одолевает сон. Пяткин явно оторвался от действительности, о чем внешний мир оповещался легким храпом с присвистыванием. Через некоторое время сметана в голове Пяткина стала оформляться в стройное сновидение. Пяткин увидал, будто бы стоит он на пьедестале вроде памятника, и весь организм у него, даже и мягкие части — из бронзы. Внизу, около цветов, депутации и манифестации. Товарищ Луначарский держит громовую речь, от которой все плачут: „Товарищи граждане и частники! Перед нами памятник величайшему пролетарскому сатирику и поэту. Чувства добрые он лирой пробуждал и в наш жестокий век восславил он свободу, мужественно обличая наследие прошлого! Бесстрашный, он даже обличал свое высшее начальство в лице начальника Учетного Управления, товарища Альтеркваса! Слава товарищу Пяткину! Слава!" Оркестр балалаечников играет переделанный на современный лад „Коль славен". Барабан бухает. Эго где-то хлопают дверью, и Пяткин открывает глаза.

„Какой чудный сон! Чго ж! Может быть, и в руку? Вполне возможно, что мне поставят бронзовый памятник. Во-первых, у меня таланты, а во-вторых, со временем, может, всем гражданам будут ставить памятники, и до меня очередь дойдет. Надо только быть посмелее. Обличу самого Альтеркваса. Можно и пострадать, зато потомство будет ценить на разряд выше. Смелее, Пяткин! Ищи удобный случай!"

И сквозь дремоту видит Пяткин, будто в стол „учета опыта местного учета", действительно, входит сам Альтерквас и при

виде Пяткина испуганно таращит глаза. Пяткин думает: „Ага, испугался, знает кошка, чье мясо съела". Товарищ Альтерквас, набравшись духу, злобно визжит:

— Как вы смеете спать у меня на службе? Что за безобразие!

Пяткин нисколько не испугался.

„Прекрасно, — подумал он. — Зацепка есть. Хоть и во сне, а для практики выскажу ему все, что накипело".

— Да! Дорогой товарищ Альтерквас! Я сплю на службе! Зато вы не дремлете и тащите все, что под руку подвернется. И мало того, что вы воруете, вы еще начальству лижете известное место и нас всех приучили к этому. Сам холуй и нас всех обхолуил! Уйди, стерва, даже и во сне тебя не желаю видеть!

Альтерквас побледнел и выбежал в коридор, откуда тотчас же донесся до Пяткина визгливый голос:

— Позвать милицию! Там пьяный Пяткин буйствует. Сегодня же его выкинуть со службы!!

Прошла неделя. Пяткина уволили, и теперь бедняга ходит по РКК и трудсессиям. Ходит вяло и неторопливо, так как не теряет надежды, что все это ему, может быть, снится, и особенно расстраиваться и надсаживаться не стоит.

ПРОСВЕТИТЕЛИ

Вести работу в массах — штука мудреная. Я сам до последнего времени не понимал, да спасибо, т. Утюгов, инструктор, глаза мне на это открыл. Был он у нас в клубе с ревизией. Посмотрел одним махом на всю нашу культработу и давай разносить:

— Как же это вам не стыдно, товарищи дорогие? Разве это — рабочий клуб? Разве это — рабочая установка? Да разве для масс так нужно работать? Ведь это же — обывательщина, мелкобуржуазный уклон!

Правление наше оробело. Что, дескать, такое? А Утюгов нас кроет:

— В стенгазете у вас пишут больше всего про фабричную контору, про квартирный вопрос, про бани и прочую обывательщину. Разве на этом нужно воспитывать творцов социализма? Болото! Мещанство! Где истинно-рабочие темы: красота пылающих вагранок, мощь парового молота, беспощадная въедливость зубила?.. Ничего этого в газете нет! Громкоговоритель вам рычит какие-то менуэты и гавоты Моцарта, — ведь эту музыку слушали и слушают до сих пор с удовольствием короли и банкиры. Разве рабочая масса эту чуждую ей музыку поймет? Конечно, нет! Затем—рабочие у вас танцуют на десятом году революции старые парные танцы. Пора осознать, товарищи, что парный танец контр-революционен. Рабочему надо дать коллективный танец, построенный на ритме фабричных машин и земледельческих орудий! А ваш драмкружок? Ставит пьесы из чуждого, непонятного рабочей массе быта. Ну что может понять теперешний рабочий в „Ревизоре“ Гоголя? Какое ему дело до допотопного городничего, до ископаемых царских чиновников! Можно подумать, товарищи, что вы находитесь прямо в плену у враждебной нам мелкобуржуазной интеллигентской идеологии!

Вогнал нас т. Утюгов в пот и краску. Никто и возражать ему не стал: не вышло бы еще большей контр-революции. После его ухода Герасим Иваныч, наш председатель, говорит:

— Действительно, ребята, мы того... С сегодняшнего дня начнем жить по-новому.

Решили единогласно. Только мне дали отсрочку, так как у меня на этот день был уже билет в Академический театр.

— Выкинул бы ты лучше к чертям этот билет. Нечего смотреть на мелкобуржуазные спектакли, — пробовали было уговорить меня ребята, но я не поддался.

Раз билет взят — пусть показывают спектакль, все-таки для чуждой идеологии расход.

В театре я сидел как на иголках. Театр уж очень нерабочий, всюду золото наляпано. Сижу и думаю, вот бы меня тут Утюгов увидал. Три действия просидел, а на четвертое не выдержал и вышел покурить. Только вышел, и что бы вы думали? Прямо на Утюгова нарвался. А он взял меня под руку и смеется:

— Ничего, брат, ничего. Нам с тобою, конечно, здесь бывать можно. Мы понимаем, что к чему, можем разобраться в чуждой идеологии. Даже скажу больше, — нам нужно здесь бывать. Видишь, сколько тут чуждого элемента. Глядя на него, мы укрепляем свою ненависть к классовому врагу. Я даже каждый день на Кузнецкий хожу укреплять свою ненависть. Полюбуйся, как тебе нравится эта полуголая размалеванная дамочка?

Я сказал:

— Ничего, дамочка, стоящая.

— Вот именно, стоящая нашей классовой ненависти. Лучшая выразительница интересов разлагающегося класса. То же самое и пьеса, которую мы видим. Мы с тобой так и подходим к ней, ну, а рабочей массе она, конечно, непонятна. Массе надо давать только из рабочего быта, и то в разжеванном виде.

На другой день я решил проверить все сказанное т. Утюговым и спросил у столяра Фуганкина, как он понимает наш клубный спектакль „Ревизор".

— Чего же тут понимать, — удивился он. — Все явственно. Городничий — это вроде как про нашего директора, Бобчинский и Добчинский юлят и бегают за ним вроде наших членов фабкома, а брехло Хлестаков — вылитый т. Утюгов, что намедни выступал с докладом... Комедия прямо про нас...

Вот какой несуразный ответ получен мною непосредственно от представителя рабочей массы. Теперь мне очень хорошо ясно, что масса не может понять таких вещей, и тов. Утюгов был прав. Если бы не он, я так бы и не узнал, как надо вести работу в массах. А теперь ничего — принимаем меры и налаживаем.

ВНИМАНИЮ ДОКЛАДЧИКОВ

(МОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ)

Во многих отраслях нашей промышленности мы еще никак не можем вылезти из кустарщины и отсталой техники. А между тем только техника и установка на стандарт дадут нам возможность гигантскими шагами двинуть вперед нашу продукцию. В настоящей своей заметке я хочу остановиться на одной отрасли производства, весьма развитой в смысле количества и весьма отсталой в смысле качества. Дело идет о производстве отчетных докладов как о проделанной работе, так и о работе непроделанной. В этом производстве мы становимся уже на путь стандарта и механизации. Но многие товарищи до сих пор еще отстают в технике. А между тем она не так уж сложна.

Прежде всего надо овладеть небольшим стандартным комплектом слов. Комплект можно составить самому, но лучше всего взять готовый комплект, для чего необходимо только прослушать первый попавшийся доклад на общем собрании и записать в книжечку ряд стандартных слов. Для лиц, не обладающих терпением, могу предложить мой собственный комплект, которым я постоянно пользуюсь не без успеха. Комплект этот содержит следующие, необходимые в обиходе каждого докладчика, слова.

Первым номером в комплекте стоит слово „работа". Если к этому слову пристегнуть набор вспомогательных, то отчетный доклад будет готов процентов на тридцать. Вспомогательные слова к „работе" таковы: „работа велась", „работа углублена", „увязана", „проработана", „поставлена на должную высоту", „налажена", „проделана", „в работу вовлечено" и т. д.

Вторым номером в основном комплекте стоит слово „вопрос". Без „вопроса" тоже никакой доклад сделать нельзя. Вспомогательные слова к „вопросу" частью те же, что и к слову „работа". „Вопрос" тоже „увязывается", „прорабатывается", „углубляется", но он, кроме того, еще „встает", „разрешается", „ставится во всей своей широте", иногда „вопрос упирается", иногда

„приобретает большое значение“. Вместо „вопроса“ можно с таким же успехом употреблять „задачу“.

Третье, весьма обиходное, слово у меня—„область“: „в области работы“, „в области планирования“, „в области руководства“, „в области практической“, „в области постановки вопроса“ и т. д.

Большим подспорьем служит затем слово „план“, обыкновенно „календарный“, про который можно сказать, что он „проводится в жизнь“, „был выполнен на все 100%“, или „намечен к разработке“. Сюда же относятся „в смысле плановости“, „включен в план“ и др.

Дальше в комплекте у меня перечислены общеупотребительные комбинированные слова: „найти метод“, „тяжелая обстановка“, „объективные условия“, „выделили и прикрепили“, „твердо взять курс“, „взгляд по существу“, „широкое поле“, „руководящий состав“, „принять меры“, „разделяя взгляд“, „необходимо обратить внимание“, „давать задание“, „неработоспособность комиссии“, „заседание посвящено“, „ведется интенсивно“, „найти установку“, „уплотнить аппарат“ и т. д.

Всего этого уже достаточно для прекрасного типового отчетного доклада. Остается только, для связи всех этих выразительных и полезных слов, добавить несколько слов, так сказать, цементирующих, как, например: „приступая к докладу“, „хочу остановиться“, „учитывая обстановку“, „в связи“, „принимая во внимание“, „переходя к оценке“. Пересыпая этими последними словами вышеперечисленные основные, каждый докладчик легко и безболезненно получит вполне готовый, можно сказать, образцовый отчетный доклад, который и можно прочитать на любом нашем собрании по любому поводу, заработав без всякого напряжения резолюцию „принять к сведению“ или даже „признать удовлетворительным“.

Всякий, кто в этом сомневается, пусть пойдет на первое же отчетное собрание и вслушается в слова докладчика. Я уверен, что поскольку настоящее практическое мое предложение теперь опубликовано, иных слов, кроме моего комплекта, от докладчика никто не услышит.

В ЗАЩИТУ БЮРОКРАТИЗМА

(ПИСЬМО В ГАЗЕТУ)

Принимая во внимание ваше желание повести борьбу с бюрократизмом, имею честь ходатайствовать о предоставлении мне возможности высказаться против намеченного вами мероприятия.

В ответ на ваше нелюбезное к нам отношение я считаю своим долгом изложить нижеследующее.

В связи с развитием научных данных, установлено, что личному составу населения нашей планеты весьма свойственно стремиться к преодолению всевозможных препятствий, ибо таковое преодоление ведет к закаливанию человеческой воли и характера, что весьма необходимо в борьбе за светлое будущее. В случае неимения достаточных препятствий под рукою, человек ищет таковые в местах малодосягаемых, о чем свидетельствуют нам жизнь и труды людей, включенных в список великих путешественников (Нансен, Ливингстон, Амундсен и др.).

Учитывая, с одной стороны, указанную потребность и недостаточность малодосягаемых мест, с другой — многие учреждения, идя навстречу запросам широкой массы, издавна установили у себя так называемый бюрократический порядок, против коего вы необдуманно возражаете. Названный порядок в учреждениях предоставляет широким кругам населения возможность испытывать все виды переживаний и впечатлений любого опасного и трудного путешествия в дикие, некультурные местности. Только благодаря наличию бюрократизма в наших учреждениях всем гражданам доступно преодоление нижеследующих препятствий, вполне сходных с препятствиями, встречаемыми при путешествии к северному полюсу или в дебри Африки:

§ 1. Переплытие морей и океанов, хотя бы и чернильных.

§ 2. Перепрыгивание через пропасти затерянной переписки.

§ 3. Восхождение на горные хребты бумаг и циркуляров.

§ 4. Блуждание в дебрях отчетности.

§ 5. Испытание резкой смены жары и холода при заполнении анкет.

§ 6. Встречи с дикими племенами и зверями, в изобилии населяющими учреждения.

§ 7. Совершение длительных переходов в безводной местности от одного стола к другому.

И т. д., и т. п.

Преодоление всех этих вышеизложенных препятствий закаливает волю, вырабатывает характер и укрепляет силы у трудящихся. Уничтожив бюрократизм, вы тем самым уничтожите и могучие факторы благодетельного воспитания масс. Примером того, сколь пагубно влияет на качество населения отсутствие бюрократизма, служит нам деятельность таких небюрократических учреждений, как всем известные пивные. Входя в пивную, каждый посетитель сразу находит нужного человека, который легко и быстро может разрешить возбужденное ходатайство. Не прибегая даже к регистрации входящего гражданина, сей человек безо всякой волокиты приволокет все, что посетитель укажет в своей требовательной ведомости, изложенной к тому же в устной форме. При этом организационная распущенность доходит до того, что все предоставляемые посетителю продукты отпускаются всегда в краткосрочный кредит, так как платить за них посетитель обязан только после того, как он их употребил. В добавление ко всему этому необходимо еще отметить разнеживающую обстановку сих учреждений, прибегающих к упоительной музыке и песнопениям. В конце концов посетителя, закончившего здесь свое дело, буквально выносят на руках. Таким образом, благодаря отсутствию бюрократизма в указанных учреждениях, лица, имеющие с ними дело, расслабляют свой характер, чувствуют упадок сил и неспособность итти вперед к светлому будущему.

Исходя изо всего изложенного, я, со своей стороны, полагал бы более целесообразным и соответственным нуждам населения вопрос о борьбе с бюрократизмом считать поставленным преждевременно и нуждающимся в предварительной разработке

и согласовании в особой комиссии из представителей всех заинтересованных ведомств.

Подлинное за надлежащим подписом.

НЕОСТОРОЖНАЯ КОМАНДИРОВКА

Шура Боллтай кушала в столовке „Коммунар" третье блюдо — груша а-ля Мария-Антуанетт. Как и подобает перегруженному инструктору по работе среди женщин, Шура при этом просматривала „Красные известия отдела работниц по работе среди работниц" и одновременно проверяла в зеркале инвентарь своей наружности. Вдруг серые глаза Шуры стали еще больше. Она прочла:

„У африканского племени туарегов, живущего в Сахаре, всей полнотой власти пользуются женщины. Они выбирают себе мужей, добывают средства на пропитание семьи и управляют домом. Мужчины же находятся в порабощенном состоянии".

Не доев даже любимых семечек груши а-ля Антуанетт, Шура пихнула журнал в портфель и вихрем помчалась в отдел работниц.

Не будем рассказывать, сколько киловатт-часов энергии потратила Шура для того, чтобы убедить отдел работниц в необходимости вести работу среди несчастных туарегов, и на то, чтобы получить неимение препятствий и семнадцать виз.

В самом сердце знойной Сахары городишко Аонапо жмется к оазису вокруг поганого озера лужи Главкурупра. В предвечерний час, на фиговом бульварчике можно было послушать первую агитбеседу Шуры Боллтай, сидящей на скамейке с толстогубым пикантным туарегом бальзаковского возраста.

— А сегодня была жаркая погода, — деликатно заметила Шура. — Градусов сорок будет, как вы думаете?

Туарег почернел еще больше, отодвинулся до последней черты, тщетно попробовал поджать свои губы и зажеманился:

— Оставьте, пожалуйста, свои градусы. Я с незнакомыми женщинами не разговариваю.

— Товарищ! Я заговорила с агитпропцелью...

— Знаем мы эти агитпропцели. Целым от этих целей не уйдешь.

— Ну, как вам не стыдно! Женщина и мужчина теперь должны быть равными.

— Ах, какие вы насмешники! Все женщины любят насмехаться над нашим братом, — начал понемногу втягиваться в агитбеседу неопытный туарег.

— Это верно вы сказали, — переменив метод подхода, заметила Шура, — все женщины, но не я. Вы такой особенный, непохожий на других туарегов, и я интересуюсь вами, как человеком оригинальным, исключительным. Как только я вас увидела, то с первой встречи...

Через полчаса плененный туарег рассказывал Шуре свою жизнь:

— Да, вы правы, моя жизнь была ярким выражением несправедливости общества, построенного по классовому принципу. Совсем неопытным юношей меня отдали в услужение к богатой скупщице львиных хвостов, толстой Семперанте. Ни днем, ни ночью мне не было покою. Днем я скоблил львиные хвосты, а по ночам меня преследовали хозяйкины дочери и, я чернею от воспоминания, она сама. Не давала мне проходу и старшая мастерица Гум, ежедневно под предлогом обыска оскорблявшая мою мужскую стыдливость.

— Как же вы вырвались из этого ада? — спросила бедняжку Шура.

— Вырваться мне удалось не легко. И, вырываясь, я попал из огня да в полымя. Однажды, когда я мочил львиные хвосты в Главкурупре, меня заметила одна ответственная особа,

любительница комсомольского возраста. Вскоре я получил предложение и вышел за жену. Первые дни финикового месяца я был счастлив. Но вскоре оказалось, что жена моя пропивает и проигрывает жалованье. Растрачивать ей было нечего, денег в доме не было. Стряпня была не из легких, так как в нашем кооперативе в кредит можно получить только черную пудру. Жена стала меня бить, приводить проститутов в дом, и кончилось все это тем, что я сбежал и сейчас живу у престарелого дяди, который торгует семечками, не имея патента.

— А найти службу вы не пробовали?

— Где ее найти? Нам, мужчинам, ходу не дают. Все в руках женщин. Мужской труд совсем не ценится. А если и найдешь вакансию, то путь к ней лежит через кровать заведующей.

— Ну, а дети у вас были?

— Была девочка. По закону, она осталась у жены. Да что! У нас ведь все равно алиментов не платят.

— Не платят? — серые глаза Шуры стали еще больше и задумчивее.

Она оглянулась кругом, подсела еще ближе и стала гладить рукой шевелюру туарега.

— Бедняжка, вы так взволнованы вечером воспоминаний? Нет ли тут поблизости кафе без крепких напитков? Поуютнее? Вы подкрепили бы себя.

Совсем недавно в отделе работниц по работе среди работниц была получена телеграмма:

„Прошу освободить от должности. Вышлите причитающиеся деньги. Остаюсь здесь навсегда. Болтай".

После этой телеграммы отдел работниц по работе среди работниц постановил посылать на работу среди туарегов только мужчин.

НА РЫБАЛКЕ

В конце зимы в Севастопольской южной бухте хорошо идет на удочку серебристая с чернью кефаль. В одно довольно влажное мглистое утро я отправился на своей шлюпке „Синбад-Мореход“ на другой берег бухты, к пристани. Здесь уже сидели два рыболова. Один из них, ловко закидывая лесу, что-то рассказывал соседу.

— Доброе утро, — приветствовал я рыболовов, причаливая на некотором расстоянии от них. — Не помешаю?

— Ничего. На всех хватит. Устраивайтесь.

Я привязал шлюпку, приготовил снасть, закинул. Поплавок перекувырнулся и встал спокойно. Клева долго не было. Мои соседи возобновили прерванный моим появлением разговор.

— Когда начальник Допра привел Гаврюшу и Фросю к заключенным и сказал: „Вот вам забава. Они будут вам заместо родных деток“,—то все заключенные благодарили администрацию за такой подарок. Все грехи ей простили. Простили даже те 19 червонцев, которые администрация забрала себе из денег, заработанных арестованными. Простили даже лавку, открытую при Допре администрацией вместо рабочего кооператива. Простили холодный карцер-могилу, куда бросали всякого, осмелившегося критиковать тюремное начальство и жаловаться на него. Одним словом, за Фросю и Гаврюшу простили все. Да как же было и не простить, когда эти милые, невинные существа внесли, как говорится, луч света в темное тюремное царство! Заключенные старались друг перед другом доставить удовольствие крошкам. Главная забота была — откормить их на славу, так как бедняжки были очень худы. И заключенные готовы были отдать весь свой паек, лишь бы они были сыты. Администрация всячески поощряла такое увлечение. „Это — говорит, — вас облагораживает“. В короткий срок Фрося поправилась, а Гаврюша так растолстел, что впору на выставке показывать. Еле ходит, словно пятилетний боров. Няньчились с ними заключенные до самого Нового года. А под Новый год администрация Допра устроила для себя пир — разливанное море. И вот на

этом-то пире наши питомцы, Гаврюша и Фрося, были сожраны гостями. Заключенным не досталось ни кусочка. Ведь вот гады, — рассказчик при этом остервенело плюнул на лохматого морского червя. — Мне не особенно жалко Фросю, она была простой породы, а обидно за Гаврюшу. Мы его откармливали как будущего производителя-иоркшира, а они, черти, его слопали, как самого обыкновенного борова. Давай покурим!

В этот момент, как и подобает в конце рассказа, у меня здорово клюнуло, и я выволок из воды серебристую с чернью кефаль.

БЕДА

(РАССКАЗ СЕКРЕТАРЯ)

— Да. Это был тяжелый случай. Я это несчастье предчувствовал и пришел на службу, помню, в тот день даже на десять минут раньше. Ровно в десять часов, смотрю, идет сам Аркадий Ефимович. Подходит он это ко мне, протягивает руку и говорит тихим, ласковым голосом:

— Здравствуйте, дорогой Петр Иванович. Устал я. Сегодня не на машине, а пешком. Всего и ходу то двенадцать минут, к тому же и моцион. Жена только бранится. Говорит, — не к лицу заву пешком ходить. Ну, как дела? Приготовьте мне все бумаги — я хочу работать.

Похлопал он меня по плечу и пошел в кабинет. У двери подлетает курьер Иван:

— Здравия желаю, Аркадий Ефимович! Дозвольте снять калошки?

А Аркадий Ефимович ему:

— Ах, товарищ Иван! Здравствуйте.

И берет курьера за руку и здоровается.

— Калоши я сам сниму. А вы, товарищ Иван, снимите лучше объявление „без доклада не входить". Пусть, кому нужно, входит так.

Я вижу, дело неладно, но жду, что будет дальше. А дальше пошла совсем ерунда. Приходит к нему Доброглоткин, месткомщик. Аркадий Ефимович самым задушевным голосом обращается к нему:

— Товарищ Доброглоткин? Так вас, кажется? Да, да, я помню. Так вот, дорогой товарищ Доброглоткин. Пора нам поставить профработу и значение месткома на должную высоту, так, чтобы все трудящиеся видели в вас своего руководителя и защитника. Кстати, я не платил полтора года членских взносов. Скажите там, чтобы вычли из жалованья немедленно.

Доброглоткин размяк и докладывает:

— У меня для вас, Аркадий Ефимович, льготные билеты есть на „Сильву". Супруга ваша велели достать...

— Как это можно, — мягко улыбнулся Аркадий Ефимович.— Извиняюсь за несознательность жены. Как она может велеть руководителю местного профдвижения! Этого больше не будет. А „Сильву" слушать мне не идеологично. Вот если у вас в другой раз останутся билеты, то не откажите на какую-нибудь агитационную пьесу.

Доброглоткин вылетел из кабинета весь в поту. Затем настала очередь секретаря ячейки, товарища Орграспределидзе.

— Я, товарищ, — говорит секретарю Аркадий Ефимович, — на вас в претензии. Почему вы так мало предложили мне партобязанностей? Надо каждый день. Я с удовольствием буду делать отчеты о своей работе. Кстати, я не платил полтора года членских взносов. Получите, пожалуйста.

После этого обращается ко мне:

— Дорогой Петр Иванович, с сегодняшнего дня прием новых служащих будет производиться по испытанию, а не по протекции. Затем нам надо, вместе с месткомом и ячейкой, пересмотреть состав и ставки всех ответственных работников,— много у нас хлама. Нужно выдвинуть людей со способностями.

Ну, тут я сразу все сообразил. Сказал: „Слушаюсь", — а сам шмыгнул в телефонную будку и вызвал „скорую помощь". Отвезли мы Аркадия Ефимовича в психиатрическую. Две недели

там ему впущали циркуляры и „Собрание Узаконений". И к пятнадцатому, когда у нас выдача жалованья, Аркадий Ефимович поправился.

Входит это к нему в комнату сестра милосердия и говорит:

— Примите лекарство...

А Аркадий Ефимович как стукнет кулаком по столу да как закричит:

— Не приму без доклада! Вон отсюда! Изложите секретарю все в письменной форме, с приложением гербового сбора и удостоверением личной подписи.

Собрали врачей. Ну, те видят, что человек стал опять нормальным, и в тот же день выписали из больницы.

Вот оно, какая беда была. Теперь Аркадий Ефимович в благополучном здравии и работает как все — вполне нормально.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От Издательства 3
Жизнь совершенствуется 5
Премированная семья 10
Поучительная история 14
Тяжелый сон 16
Просветители 18
Вниманию докладчиков 21
В защиту бюрократизма 23
Неосторожная командировка 25
На рыбалке 28
Беда 29

15035

Цена 15 коп.

Адрес Издательства (Правление)

Москва. Варварка, Псковский пер., 7/9

Центральный Книжный Склад:

Москва. Лубянский Пассаж, помещ. №№ 25—30

Каталоги по требованию—бесплатно

HECKMAN
BINDERY INC.
JUN 90
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00005100222